
ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ

Александр Томазов*
(г. Тула)

ДЕВУШКА И АРФА

Время быстротечно, как быстротечна мысль... Еще секунду назад мой разум жил надеждой, жил ожиданием, а теперь... Перед лицом был облик, до боли знакомый. До боли родной!..

Мы познакомились там, где ветер гнул книзу деревья, завывая и вереща, как подстреленный заяц. Мне случилось проходить там осенью 19.. года, время было позднее и, дабы поскорее добраться до теплого дома, где меня поджидали мягкий диван и кружка ароматного глинтвейна, я решил срезать путь через старинный монастырь. Шел мелкий, противный дождь; изредка капли попадали за воротник, и тогда меня всего передергивало от холода, пробиравшего весь организм изнутри. Быстро темнело, и тропинка превратилась в полосу препятствий с лужами, земляной кашей и перепутанной травой, которая цеплялась за ноги, мешая пройти. Засунув руки в карманы и втянув шею, я шел, как мокрый воробей, порой уже не разбирая дороги, наступая в грязь и уже даже не пытаясь ее обходить. И в этот миг... О чудо, явилась ОНА! Являясь, по всей видимости, важной персоной в том монастыре, ОНА пригласила меня внутрь и подала в глиняной чаше горячий чай как раз в тот момент, когда молния ударила в ближайшее дерево. Рухнула вниз с грохотом подпаленная ветка и вспышка света осветила лицо незнакомки. Оно было прекрасно!

Шелковые, на вид, рыжие волосы волнами спускались много ниже плеч, пронзительные голубые глаза были удивленно раскрыты, будто ОНА пыталась разглядеть меня всего снаружи... и изнутри. Тонкие, длинные пальцы ее коснулись меня в момент передачи чаши, и будто гром поразил все мое существо. В это мгновение сердце вашего покорного слуги наполнили такие чувства, которые я не стану даже пытаться вам передать... Любовь, нежность, страх, жалость — все навалилось сразу и было еще много такого, чего я никогда не испытывал. От чая валил пар, но я не чувствовал его на своих губах, вся одежда моя была мокрая, но я не чувствовал холода. Все, что видели мои глаза и чувствовали органы — все это была ОНА.

Некоторое время девушка сидела напротив и разглядывала то жалкое существо, которое я в тот момент представлял, своими неземными очами... Тихо трещал огонь в

---

* Наш постоянный автор.

камине, из него иногда вылетали искры, но тут же гасли. Незнакомка встала, чтобы подбросить в огонь несколько поленьев, и при виде разгоревшегося огня стала отчетливо видна ее фигура. Ничего идеальней в этом мире я не видел! Даже грубая накидка, в которой она была, не могла скрыть всей гармонии тела. Мои глаза смотрели на нее с восхищением и, не скрою, желанием. Даже сама необычность обстановки не смутила меня. Мои глаза расширились, стремясь впитать как можно больше этой красоты, но ОНА, видимо, почувствовала взгляд и обернулась. Только на секунду, но я успел заметить улыбку, пробежавшую по ее лицу. Быстро отвернувшись, выскользнула из зала, оставив меня одного. Проводив ее взглядом, я откинулся в глубоком кресле, в котором сидел, и начал от нечего делать рассматривать обстановку комнаты при неясном свете камина. В питье, скорее всего, было что-то добавлено, так как мой мозг начала заволакивать приятная пелена, и я почувствовал блаженное тепло, разлившееся волной по моему телу.

Откинув голову, я разглядывал потолок. Низкий, полукруглый, он вселял сильнейшее чувство уюта. Добрые лица монахов, нарисованных, скорее всего, очень давно, смотрели на тебя с состраданием и немим упреком. Различные картины посвящали наблюдательного человека в их святые дела; там они варят похлебку, тут — совместно готовят дрова на зиму; были и неприятные моменты: вот некий монах находился в веригах; а здесь — похороны: старые, молодые, девушки, юноши... Скорбящие стоят монахи, склонив головы над могилами, прощаются. В дальнем углу была нарисована, как я понял, оборона монастыря при нападении большого войска; льется раскаленная смола, небольшое число монахов сдерживает многосотенную армию неприятеля, со звоном скрециваются мечи, хрипы коней смешиваются со стонами раненых, пот мешается с кровью. Картина действовала угнетающе, и я перебросил взгляд на стены.

Они тоже были покрыты росписью. Вдоль всего периметра была нарисована служба; со всеми ее нюансами. Яркие, до сих пор не выцветшие краски передавали то торжественное настроение, царившее в подобных мероприятиях. Казалось, напряги слух — и можно услышать мощный голос, распеваящий псалтырь, услышать эхо, отскакивающее от уголков причудливо сделанного потолка и почувствовать запах ладана. Впрочем, запах представить было не проблема, точнее, его не надо было представлять. Он присутствовал везде, терпкий, по-своему приятный...

Перебираясь взглядом по стене, я вдруг натолкнулся на золоченую арфу. Впервые увидев сей инструмент, я замер. Свет отскакивал от ее прекрасных витых форм, напряженные струны, казалось, только и ждали трепетных пальцев, которые вырвут из них очаровательный звук. Как замороженный, я не мог отвести взгляда от этого зрелища. Попытался подняться, но не смог, тяжело откинувшись обратно в кресло. Все, что я мог делать — это смотреть. Смотреть и пытаться представить, какая чудная музыка может исходить от этого прекрасного инструмента. По-видимому, мои попытки подняться не остались незамеченными. У двери послышался шум и появилась ОНА. Тихо ступая прошла к арфе и села за нее, полуобняв. Я оторопело глядел: два чуда, два гения были передо мной; наивысшее счастье, дарующееся человеку один раз в жизни. Вдохнув, богиня тронула пальцами струны и звуки, полившиеся благодатным миром, заставили мою душу покинуть тело. Я вознесся над землей, над вселенной. Подо мной, в ритме странно-очаровательной музыки пролетали чужие миры и галактики; странные планеты со странными существами; подводные красоты и бескрайние просторы неба; ангелы и страшные черти; черное и белое; покой и боль; правда и ложь; да и нет...

Не знаю, сколько просидел я так, зачарованный этим явлением, слушая музыку, приносящую покой. И только по прошествии долгого времени я осознал, что люблю их; люблю их союз: девушку и арфу. Люблю до безрассудства, так, как никогда еще

никто не любил! Я упал на колени и попросил ее руки. Музыка смолкла, но чувство не покинуло меня. Было до безумия больно стоять на неровном полу, который оказался усеян мелким гравием, но я не поднимался. Слезы текли по моим щекам и руки мои дрожали. Я ждал ответа. И я его дождался. Тихий, звенящий голос сообщил мне, что мы будем вместе; не сейчас, чуть позже. Я этому не противился; впоследствии меня не раз повергала в изумление сама мысль о том, что можно полюбить ТАК человека после нескольких часов знакомства, даже не зная его имени. Поэтому весть о том, что наше бракосочетание состоится чуть позже, я воспринял с благоразумным спокойствием. Еще много быстрых часов находился я с нею рядом, пока не рассвело, и ОНА не вывела меня на дорогу. Мы договорились, что я приду через три дня, и уведу ее с собой. Но когда в назначенный срок я пришел, то никого не обнаружил. Много дней подряд я приходил, но все было без толку. Только музыка, та самая, которая сблизила нас, неотступно звучала в моей душе, давая уверенность в скорой встрече. С тех пор прошло девять месяцев, и вот сегодня, проходя по заброшенному кладбищу, которое находилось недалеко от монастыря, я увидел ее. Увидел — и сердце мое оборвалось. Увидел — и музыка замолкла навсегда... Ее лик, выбитый в камне, смотрел на меня, возвышаясь над цифрами: 1794—1817.

ВЕНТАЛ

Поместье показалось впереди, выросло внезапно огромной громадой, нависая черным пятном над нами. Таинственное в наступающих сумерках, здание выглядело хмурым и неприветливым. Огромные темные окна, уходящие вверх, зрительно удлинняли фасад и высокие узкие башенки заканчивали образ стремящегося ввысь здания. Мы миновали огромные полураскрытые кованые ворота, покрытые ржавчиной. Старый звонок, висевший на столбе, не издал ни звука, когда я покрутил его за облезлую ручку. Из его нутра потекла рыжая вода и, быстро перебирая ногами, выскользнула тысячоножка. Оставив звонок в покое, мы прошли дальше, и подошли к замку. Вода стекала по стене, оставляя черно-зеркальные потеки, и буйная растительность окружала стены. Дикий виноград оплетал извилистые колонны, широкие листья его не давали слабым лучам заходящего солнца проникнуть к подножию фундамента, и там ничего не росло, лишь мирно журчал небольшой ручеек, огибая камни различных странных форм. Влажная земля хранила следы небольших зверей, может быть, шакалов, которые во множестве водились в этих краях. Некоторые были совсем свежие, другие уже обсыпавшиеся, смазанные. Кроме журчания воды, других звуков не было, и этот монотонный шум действовал на нервы. Дом выглядел необитаемым, нигде не было ни одного огонька.

Мы с другом, переглянувшись, пошли вдоль стены и вскоре вышли к обрушившемуся крыльцу с рассыпавшимися кирпичами вместо ступеней. По сторонам от крыльца тянулось что-то, бывшее раньше, по всей видимости, цветочными грядками. Теперь здесь рос чахлый бурьян. Изразцовая дверь плотно прилегала к дверному проему, и не было ни одной щелки, в которую можно бы было заглянуть. Вентал, мой старый, проверенный друг, потянул за медную, позеленевшую от времени ручку, но дверь не открылась. Тогда он взялся за молоток, висевший тут же, в форме русалки, соблазнительно выгнувшейся и смотрящей вперед. Громкие удары потрясли внутренности дома. Сколько же лет гости не навещали хозяев этого жилища? Как и следовало ожидать, нам никто не открыл и мы решили самовольно проникнуть внутрь. Упреки совести нас не мучили: после того, как мы, осужденные за убийство пятерых человек, бежали из-под стражи, наша совесть, видимо, скончалась. Заодно с ней исчез и страх. Не было ничего такого, что могло бы нас напугать. Людей мы перестали

бояться уже давно. А насчет нелюдей... Во время побега каждый из нас двоих прикончил своих конвоиров, что вкупе с предыдущими нашими преступлениями составляло довольно большие грехи, поэтому в рай нас, как мы полагали, не пустят. Значит в ад. Значит — нечистая сила. А раз мы с ней так и так свидимся — что же сейчас бояться? Поэтому наши руки не дрогнули, когда отрывали старую решетку от окна и выбивали трухлявую раму. Нам нужен был ночлег и что-нибудь поесть.

Почти сутки продвигались мы вглубь векового леса, пока не наткнулись на этот дом. Тюрьма Ласт-Шелтер была от нас уже далеко, но наверняка поиски сбежавших заключенных идут, поэтому медлить было нельзя. Мы решили провести ночь здесь, а затем отправится в сторону гор и затеряться там. Найдем какой-нибудь обоз и станем обеспечены едой, одеждой и деньгами. И, что главное — новыми документами. Я стану каким-нибудь медником Ироном, а Вентал — кузнецом Смитом. И никто никогда не узнает о судьбе настоящих мастеров, давших нам свои фамилии.

Толстый слой пыли покрывал стол и стулья в огромной зале. Вся обстановка сохранилась, несмотря на то, что в доме наверняка уже несколько лет никто не жил. На столе находились миски и ложки, деревянные стаканы и кувшины, лежали кольца для салфеток. Нетрудно было заметить что приборы разложены по порядку, необходимым для потчевания шестерых персон. На углу стола стояла большая коробка с превосходными индийскими сигарами, тщательно упакованными в бумагу и поэтому не потерявших свой запах. Тут же был коробок спичек. Вентал развернул одну сигару и прикурил от красно-зеленой спички. Когда она горела, от нее исходил приятный аромат. По стенам залы были развешены картины, много картин: знатные дамы и благородные синьоры, старики и кривые старухи, прелестные дети и отвратительные бродяги. Отдельно висели картины животных: терьеры и пинчеры, сенбернары и борзые, карманные собачки и даже одна канарейка. По-видимому, семья, жившие здесь, занимались совершенно разнообразными делами, но все без исключения любили животных. Что же касается отвратительных бродяг, то это были слуги, которые верой и правдой служили хозяевам на протяжении веков. Слуг часто нанимали прямо с улиц, и в некоторых домах сохранился до сих пор такой обычай: вешать картины прислуги рядом с хозяевами. Это свидетельствовало об очень близких отношениях между людьми, царивших в доме.

На улице окончательно стемнело, и я подошел к камину, чтобы разжечь его. Покрытый копотью, он стоял возле одной из стен. Литые подсвечники возвышались на нем, отражаясь в темных зеркалах. Стоящие на мраморной полке фарфоровые фигурки собачек и кошечек перемешивались с засохшими бутонами роз и веточками можжевельника. Отдельной горкой лежали заранее приготовленные чьей-то заботливой рукой лучинки, а чуть правее от камина была большая груда колотых поленьев. Через пару минут огонь весело полыхал, березовые чурки потрескивали; иногда кора прорывалась, и из-под нее с шипением вырывался фонтанчик огня. Вентал подтащил несколько тяжелых дубовых стульев; одни мы поломали и побросали в камин (березовые дрова слишком быстро прогорали, не оставляя углей), а на два оставшихся сели, предварительно стерев пыль сукном со стола. Теплый воздух согревал нас и промокшая одежда начала подсыхать. Пар шел от ботинок, которые мы поставили рядом с каминной решеткой. Ничто, кроме потрескивания поленьев, не нарушало тишину. Это длилось так долго, что я уже начал было засыпать, поминутно рискуя свалиться со своего стула, когда Вентал начал перемешивать кочергой угли:

— Я думаю, все можно было решить и по-другому,— сказал он, словно продолжая разговор.— Зачем нам нужна была эта семья? Они выполнили все наши условия... зачем их было убивать?

— Ты не понимаешь,— произнес я, потягиваясь, и закуривая новую сигару.— Оставь мы их в живых, было бы еще хуже. Не кори себя, все в прошлом.

— В прошлом... да, наверное. Но почему я себя чувствую так отвратительно здесь, в настоящем? — Вентал поглядел на меня.— Мы зря это сделали, поверь моему слову.

— Зря, не зря... Какая разница теперь? В конце концов, мы на воле, над нами нет солдата с алебардой, мы свободны! Забудь все, выкинь из головы. Наступит утро, мы отправимся дальше, и жизнь начнется заново. Успокойся и отдыхай,— с этими словами я откинулся на спинку и прикрыл глаза.— Давай спать, утро вечера мудренее.

— Я не могу спать в сырой одежде. Ты как хочешь, а я схожу на другие этажи и посмотрю, нет ли там чего-нибудь, во что можно было бы переодеться. Не хочешь со мной?

— Нет, я уже засыпаю. А ты сходи, развейся... может, успокоишься.

Сквозь приближающийся сон я слышал сопение встающего Вентала, шум отодвигаемого стула... Чудак он! Как же можно было оставлять кого-то в живых, когда мы не знали даже где находимся. Нас бы взяли тут же, около ворот того злосчастливого дома, где жила та семья. А так мы уже почти ушли, если бы не тот проклятый ливень, который заставил небольшой ручеек разлиться в огромную реку, через которую было не перейти. Нас схватили прямо на берегу и наше сопротивление ничего не дало. Длинный нож пробил мне ребра, и я упал лицом в грязь... Затем несколько месяцев тюрьмы. Мой бок зажил, и мы с Венталом стали готовиться к побегу. План был прост: на очередной прогулке мы убиваем наших конвоиров и перелезаем через забор. Расчет состоял в том, что это была не центральная тюрьма, вокруг которой лежал глубокий ров, а обычная, слабо охраняемая, для пересылки преступников. Естественно, это возмещалось тем, что с каждым гуляющим узником постоянно находился один конвоир. В нашем же случае, их было по двое на каждого из нас. На прогулку нас выводили на отдельный двор, чтобы не спровоцировать других заключенных на побег. Это и было нам на руку. Из-за отгремевшей недавно войны многих сторожил этой тюрьмы уже не было в живых, поэтому штат постоянно пополнялся молодыми ребятами, только-только поступивших на военную службу. Мы не сомневались, что вдвоем справимся с ними.

Так и произошло: когда мой охранник, застегивая на мне наручники, на минуту замешкался, я выхватил у него из рук алебарду и одним махом снес ему голову. Второго я повалил на землю и вонзил в него острый конец своего оружия. Я услышал скрип железа по костям и увидел, как рот мальчика раскрылся, и оттуда пошла кровь. Он с удивлением смотрел на меня, силясь что-то сказать... я нажал сильнее. Через пару секунд все было кончено. Его глаза стали покрываться пленкой. Вырвав из него алебарду, я развернулся на помощь Венталу, но он уже заканчивал свое дело. Один охранник с проломленным черепом лежал рядом, второй, со свернутой шеей, тихо сползал на землю. Мы с Венталом переглянулись... и побежали. Перепрыгнули через забор, и взяли курс на горы...

Я открыл глаза. Прогоревшие угли тлели, переливаясь красными волнами, сажившиеся на них пылинки мгновенно вспыхивали и сгорали. Холод пробирался под непросохшую одежду, и я решил подкинуть еще дров. Огонь весело перепрыгнул на свежее топливо, и вскоре камин начал опять обогревать дом. Вентала поблизости не было, наверное, он вышел в уборную. Сон больше не шел и я решил осмотреть дом. Если здесь столько вещей, то, может, и деньги есть? Лежит где-нибудь в шкафу мешок серебряных монет и ждет, чтобы его забрали. Только откуда начать поиски? Внизу мы уже все примерно осмотрели, вряд ли найду что-то новое. А если на других этажах? Хотя там уже был Вентал, он бы сказал, если что. А вдруг не сказал? Но я тут же подавил эти мысли. Вентал так поступить не мог. Не мог! Не мог?

Недоверие начало просыпаться во мне. А если не мог, то где же он тогда? Где он сейчас? Алчность начала владеть моим разумом. Мне с каждой секундой становилось

ясно, что мой друг, уйдя на поиски сухой одежды, нашел нечто совершенно иное, а именно деньги, много денег. И воспользовавшись тем, что я спал, он ушел, бросив меня. Ярость просыпалась во мне, глазу рассудка я не внимал. Так вот, каков ты, друг! Вне себя я встал и твердым шагом направился к полукруглой лестнице, ведущей наверх, прихватив с собой подсвечник, в котором горели, бросая неровные блики, две свечи. Широкие продавленные ступени были тоже покрыты пылью, и на ней хорошо отпечатались шаги Вентала. Иуда! Как ты мог так поступить? Хотя, с другой стороны, это не самый плохой вариант. Если оно так и есть, как я предполагал, то ему ничего не стоило убить меня, чтобы навсегда и наверняка избавиться от моего преследования, ибо он не был настолько глуп, чтобы не предположить этого. Одолеваемый такими мыслями, я осторожно, шаг за шагом, поднимался наверх.

Наконец мои глаза поравнялись с полом второго этажа и я осторожно стал осматриваться. Огромные тяжелые портьеры закрывали окна донизу, старинная мебель важно покоилась на резных ножках. Потолки были очень высокие, гораздо выше, чем внизу. И прямо надо мной висела огромная хрустальная люстра, такая большая, что для того, чтобы ее удержать, понадобилось восемь железных цепей. Горло запершило из-за поднятой мною пыли, и я поднялся полностью на этаж. В стороны от лестницы расходились несколько коридоров. Следы Вентала стали неразличимы, и я не знал, в каком из коридоров он был. И был ли он там вообще? Неужели он меня бросил? Нет, он не мог этого сделать, не мог! Мы вместе прошли не через одно испытание, сколько я помню себя, столько же я помню и его. Мы были как братья, как одно целое... и неужели все так закончится? Из-за каких-то денег перечеркнуть столько лет!.. Мы знали тайны друг друга, я все знал про него, он про меня. У нас никогда не было разногласий, разве что одно, из-за той семьи... Венталу не понравилось, что мы убили их, но не мог же он из-за такого пустяка так поступить?

Я сжал покрепче подсвечник и шагнул вправо. Плотно пригнанные доски под моими ногами не издавали не звука. Остановившись пред узкой дверью, я вздохнул и резким ударом открыл ее. Там была ванная комната. Медная ванна стояла в углу, в ней лежали сопревшая от времени мочалка и черная, вся в белом налете, пемза. На противоположной стене висело зеркало, точнее, рама от зеркала. Само стекло было разбито и осколками валялось тут же, под моими ногами. Больше не было ничего, и я вышел оттуда и направился в противоположную сторону. Там была спальня. Огромная кровать занимала почти все свободное пространство, оставляя только узенькие проходы между стенами. Я тронул ее, и она, заскрипев, развалилась с грохотом, который был слышен, наверное, во всем доме. Поднялась куча пыли, я почувствовал, как мои глаза начинают слезиться, а веки распухать, и поспешил выбраться из комнаты. Подобное запустение было и в остальных помещениях дома. Я тщательным образом осмотрел и все три башенки, поднявшись в них по трухлявым, вот-вот готовым развалиться, лесенкам. В одной было старое, заржавевшее от времени оружие: почерневшие арбалеты, потрескавшиеся луки с провисшей тетивой, разнообразные ножи от совсем маленьких до тесаков невероятных размеров. Все они лежали по размерам и были пронумерованы.

Тут же, на полке, находился и каталог, описывающий каждую стрелу, каждый дротик. Но страницы рассыпались у меня в руках, и многие слова от сырости расплылись. Я перешел в другую башню. Там были охотничьи трофеи: головы кабанов и лосей, чучела лисиц и тетеревов, а на полу лежала шкура гепарда, которая расплзлась мгновенно, едва я прикоснулся к ней. Что же за люди жили в этом огромном и некогда, несомненно, прекрасном доме? Почему они бросили все, и ушли, оставив даже личные вещи? Я не находил ответа на эти вопросы. Вдруг я понял! Чума! Эпидемия чумы прошла здесь, унеся жизни жителей. Ее не остановило даже то, что дом находился в нескольких сотнях миль от ближайшего поселения. Скорее всего, так и

было. А раз так, нет смысла находиться здесь дольше. Невидимые посланники смерти могут до сих пор находиться здесь, например, в пыльной шерсти этого медведя, чучело которого стоит в углу, навечно подняв лапы в яростной атаке, или в перьях павлина, тупо глядевшего стеклянными глазами, или в самом воздухе....

Стараясь дышать неглубоко, я наспех осмотрел последнюю башню. Там было некое подобие обсерватории, неуклюжий телескоп лежал на боку, а над ним висела старая карта неба. Вентала нигде не было. Может быть, он вовсе не убежал? Может быть, смерть уже приняла его в свои объятия? Но где же тело? Внезапно меня посетила еще одна мысль. Может быть, он сошел с ума и, безумный, ушел в леса? Тогда искать его было бесполезно. Было множество случаев, когда рассудок человека не выдерживал атаки смертельной болезни и сдавался. Мы все жили в постоянном страхе, да и к тому же, сам образ нашей жизни мог подвести его к этому. Если мое предположение верно, это означало одно: конец жизни моего друга. А раз так, надо спасаться самому. Приняв такое решение, я молнией слетел с лестницы на второй этаж. Свечи в подсвечнике ежесекундно грозили погаснуть, мне надо было спешить. Внезапно я посмотрел вправо и увидел Вентала. Он стоял и смотрел на меня. Я двинулся к нему, и он тоже сделал шаг мне навстречу. Глаза его были безумны.

— Вентал, — вскрикнул я, бросился ему навстречу... и врезался в зеркало, которое рассыпалось сотнями осколков...

...летающие птицы видят свое отражение в воде и разбиваются об нее, стремясь атаковать самих себя... ложь, иллюзия, обман... везде и повсюду... и лишь смерть всегда правдива и верна себе...

Наталья Шепеленко
(г. Тула)

ТЕЛЕВИДЕНИЕ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ: ОБРАЗЫ И СМЫСЛЫ

Родилась в городе Чите Забайкальского края. В шесть лет переехала с родителями в Тулу. В 2011 году заканчивает лингвистическую гимназию. Неоднократно принимала участие в школьном обмене с Германией; призер региональных и всероссийских туров олимпиад по иностранным языкам.

Скажите, где проводит современный молодой человек большую часть своего свободного времени? Может, читая? Но в 21-ом веке книги, к сожалению, утратили свою ценность в представлении молодых поколений и заметно уступают новинкам технологий. Ведь именно они — Интернет и телевидение — лидируют в списке любимых занятий наших сограждан. Практически в каждой семье есть телевизор и телефон, компьютер — у каждого третьего жителя планеты. И чего можно ожидать от молодых людей при таком раскладе? Они растут, развиваются, начинают ходить, говорить — и все под беспрестанным «присмотром» техники. Маленьким детям очень нравятся анимационные фильмы, подростки увлекаются кинематографом. И, похоже, взрослых все устраивает. Иначе, мне кажется, они бы уже приняли меры по изменению действительности.

Слово техники, в особенности телевидения, бывает решающим в наше время. И именно об этом я и хотела бы поговорить. О том, какую роль играет телевидение в жизни личностей, которые формируются под его непосредственным влиянием и о взглядах на жизнь, складывающихся при целостном восприятии транслируемой псевдореальности.

Зачастую подросток, просыпаясь, первым делом стремится включить телевизор. И что он там видит? Если речь идет об утренних передачах, то, скорее всего, это мультфильмы, низкопробные, созданные с помощью компьютерных программ, и поэтому такие ирреальные, абсолютно не совпадающие с действительностью. Посмотрев такой мультфильм, можно ужаснуться: неужели именно так выглядят люди? Почему голова разговаривает после того, как палач ее отрубил от тела? Почему волк рассыпался на кусочки и в мгновение ока возродился прежним, нормальным существом? И если эти вопросы уже кажутся вам странными, то интересно услышать остальные, возникающие при просмотре японских «аниме», к примеру, где не соблюдаются создателями даже базовые принципы анатомии, биологии и географии.

Помимо глобальных несоответствий с тем, что пытаются уместить в головах молодых людей школьная программа, телевидение отличается пугающей концентрацией актов насилия и жестокости. Неужели телевидение пропагандирует аморальное поведение? К сожалению, именно такое представление создается при знакомстве с современными произведениями кинематографа. Боевики и триллеры — замечатель-

ный тому пример. Оба жанра «богаты» кровопролитными сценами, спецэффектами, от которых кружится голова и рушится психика, грубой или даже нецензурной лексикой. Последствия, вытекающие из всего этого, лежат на поверхности: вряд ли психику ребенка можно будет назвать здоровой. А разве это можно считать нормой, если уже в подростковом возрасте у человека шаткая нервная система?..

К психическому насилию, занимающему такое «почетное» место на пьедестале трансляций, можно приписать и отрицательное влияние так называемых кумиров молодежи. У среднестатистического подростка есть как минимум один кумир. Иногда кумиры становятся даже идолами. И здесь стоит задуматься: неужели так безупречны эти люди в реальной жизни или же это все дело рук профессионалов — программистов и стилистов? Очень жаль, но именно так все и есть. Звезды шоу-бизнеса, которым так стараются подражать молодые люди, в обычной жизни ничем не отличаются от нас. Но наше телевидение, рассчитанное на коммерческий успех, вряд ли скажет своим зрителям правду. Все-таки тысячи подростков, примыкающих к экранам во время трансляций передач рода «День со звездой», уже обещают неплохую прибыль телекомпании.

Вывод один, и он вовсе не радостный: телевидение правду не говорит. Оно нагло врет. И не краснеет.

Хотелось бы также упомянуть и реалити-шоу. Во-первых, люди, которые принимают участие в таких проектах, часто приходят «с улицы», то есть высоким уровнем интеллектуального развития не отличаются и потому вряд ли могут подать положительный пример для подражания. Во-вторых, с целью повысить свой рейтинг они выбирают нахальный образ поведения и зачастую являются зачинщиками «прогремевших на всю страну» скандалов. В-третьих, сам факт того, что люди живут в стеклянном аквариуме под наблюдением сотен камер, уже должен насторожить. Так что же смотрят дети? И какую пользу они могут извлечь из увиденного? Вырасти скандальными эгоистами... Но разве это плюс?..

Быть может, если бы все ограничивалось желанием наших детей проводить часы свободного времени, примкнув к экрану, ситуация была бы поправима. Но события принимают удивительный оборот, когда мы заглядываем глубже: а есть ли на телевидении вообще передачи, которые имеют познавательный характер? Очень печалит тот факт, что подобных передач — единицы. Как уже было сказано, современная режиссура ориентируется на коммерческий успех, а не на глубину смысла транслируемого. А если и промелькнет на экране передача, способствующая повышению уровня IQ, то время, предоставленное для ее просмотра, не будет удобно ни для одного нормального человека, который предпочитает спать в ночное время. Исключая, разумеется, кладбищенских сторожей. Тогда, получается, зря обижаются учителя на своих учеников, которые опаздывают на школьные занятия?.. Ведь у них есть оправдание: они смотрели «Всю правду о жизни И. В. Сталина», а потом долго не могли заснуть, взволнованные увиденным. Вот и растут дети лжецами с хронической усталостью от недосыпания. Не очень положительный расклад, согласитесь.

Так что же делать в сложившейся ситуации? Смотреть скандальные ток-шоу, подражать звездам, играть в «терминатора»? Или, может, вернуться к книгам?.. Которые, в отличие от телевидения, никогда не обманут, а, напротив, откроют глаза на мир и заставят задуматься: «А правильно ли мы живем?..»

